

С.Н. Смирнов*

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ
В ПУБЛИКАЦИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ
(Обзор)**

Аннотация. Экономика России изучается различными зарубежными исследователями, которые аффилированы с национальными университетами или с международными организациями. Тематика исследований охватывает экономическую историю страны и ее место на современной карте мира. Особый интерес представляют работы, в которых анализируются перспективы и риски социально-экономического развития России, а также условия достижения национальных целей развития страны.

Ключевые слова: Россия; экономические исследования; распределение доходов населения; пандемия COVID-19; национальные цели развития; экономические риски.

* **Смирнов Сергей Николаевич**, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), заведующий Центром анализа социальных программ и рисков Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Smirnov Sergey, DSc (Econ. Sci.), leading researcher of the Department of economics at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; head of the Center for social programs and risks analysis at the Institute of social policy of the National Research University Higher school of Economics (Moscow, Russia).

S.N. Smirnov
Social and economic problems of Russia
in publications of foreign authors
(Review)

Abstract. The Russian economy is studied by various foreign researchers who are affiliated with national universities or international organizations. The research topics cover the economic history of this country and its place on the modern map of the world. Of particular interest are works that analyze the prospects and risks of socio-economic development of Russia as well as the conditions for achieving national development goals of the country.

Keywords: Russia; economic research; distribution of income of the population; pandemic COVID-19; national development goals; economic risks.

Введение

Экономика и социальная сфера России периодически привлекает внимание зарубежных аналитиков, аффилированных как с национальными университетами, так и с крупными международными организациями (Всемирный банк, Европарламент и т.д.). Опубликованные исследования можно разделить на две количественно неравнозначные группы. Большинство посвящено текущему состоянию и перспективам экономического и социального развития страны. В меньшем числе работ анализируется путь, который Россия прошла за почти три десятилетия с начала экономических реформ.

В настоящем обзоре представлены наиболее интересные исследования зарубежных специалистов, посвященные актуальным социально-экономическим проблемам России.

Распределение доходов и активов населения в XX–XXI вв.

В ряде подобных исследований выделяется работа «команды Пикетти» – экономистов Лаборатории мирового неравенства (WIL) Парижской школы экономики (PSE) [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017]. Авторы не ограничились экономической историей новой России, а проанализировали статистические данные о распределении доходов россиян за более чем вековой период, начиная с 1905 г.

Экономические системы, которые существовали в России в XX в., характеризовались различными уровнями доходного нера-

венства населения. Так, следствием перехода после 1917 г. к плановой экономике стало резкое сокращение долей верхних по уровню доходов дециля (т.е. 10%) и перцентиля (т.е. 1%) населения в национальном доходе до налогообложения¹. Если в 1905 г. они составили соответственно 47% и 18%, то уже во второй половине 1920-х годов – всего 23% и менее 4%. Вплоть до второй половины 1980-х годов эти доли изменялись незначительно [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, p. 70–71].

Коммунистическое правительство СССР декларировало в качестве главной цели построение нового общества социальной справедливости и стремилось сократить расслоение населения по уровню доходов. Так, в 1956–1989 гг. при среднегодовых темпах роста национального дохода (до налогообложения) в расчете на взрослого жителя России в 2,3% у 50% населения с самыми низкими доходами они составили 3,2%. С другой стороны, в этот период в составе верхнего дециля формировалась группа наиболее богатого населения: у верхнего перцентиля эти темпы составили 2,5%, а у 0,001% самых богатых – 3,3% [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, p. 79].

Сравнивая распределение доходов между различными группами населения в различных социально-экономических системах, существовавших в России, следует учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, в России до 1917 г. так и не был введен налог на доходы физических лиц, применение которого могло бы изменить распределение доходов в пользу низкодоходных групп населения. Во-вторых, в плановом социалистическом хозяйстве с его неизбежным дефицитом и нерыночным распределением потребительских товаров важен был не только размер доходов, но и возможность доступа к специальным магазинам, ведомственным санаториям и т.п. натуральным благам, недоступным для подавляющего большинства населения.

Ситуация кардинально изменилась с началом рыночных реформ в стране в 1992 г. Статистические данные свидетельствуют о резком росте разрывов в материальном благополучии населения и об обеднении значительной его части. В 2016 г. численность взрослого населения страны² составила 114,9 млн человек, на каждого из которых приходилось в среднем 23,8 тыс. евро националь-

¹ Национальный доход до уплаты налогов и трансфертов, за исключением пенсий и страхования по безработице.

² Лица в возрасте не моложе 20 лет.

ного дохода (до налогообложения). У наиболее бедной половины взрослых (почти 57,5 млн человек) эта величина составила 7,9 тыс. евро, а их доля в общей величине национального дохода (до налогообложения) равнялась 17%. У следующих 40% населения (около 46 млн человек) – 21,7 тыс. евро (соответственно 37,5%); у верхнего дециля (почти 11,5 млн человек) – 105,5 тыс. евро (45,5%); у верхнего перцентиля (около 1,1 млн человек) – 469,1 тыс. евро (20,2%) и у 0,001% (1,1 тыс. человек) – почти 58,6 млн евро (2,5%) [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, p. 77].

Несмотря на рост расслоения населения России по величине получаемых доходов, результаты рыночных реформ в целом можно оценить позитивно. Уровень жизни населения страны в 1989–1990 гг. составлял 60–65% от среднеевропейского. К середине 2010-х годов, несмотря на финансово-экономические кризисы 1998 г. и 2008–2009 гг. и введение в 2014 г. экономических санкций в отношении России, он повысился до 70–75% [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, p. 3].

В этот же период в структуре национального богатства страны возросла доля частной его составляющей¹. Если в 1990 г. частное богатство составляло $\frac{1}{4}$ общей величины национального, то в 2015 г. – уже более $\frac{3}{4}$ национального богатства страны. Рост этих показателей произошел в течение всего нескольких лет после шоковой терапии, ваучерной приватизации, приватизации жилья и в существенно меньшей степени – земель сельскохозяйственного назначения. Но если ваучерная приватизация стала фактором роста активов достаточно ограниченного числа российских домохозяйств, то в ходе многолетней бесплатной приватизации жилья, растянувшейся на десятилетия, в частную собственность к 2015 г. перешли почти $\frac{4}{5}$ государственного, муниципального и ведомственного жилья. В результате отношение стоимости частного жилья к национальному доходу, составлявшее в 1990 г. 50%, к 2008–2009 гг. увеличилось до 250% (но в 2015 г. оно снизилось до 200%). Вместе с тем фактически обесценились в начале 1990-х годов финансовые активы домохозяйств – в результате высоких темпов инфляции. К началу 2000-х годов их отношение к национальному доходу составляло 20–30%. В дальнейшем при быстром росте доходов населения в условиях резкого повышения цен на нефть это отношение повысилось. В целом за период 1990–2015 гг. величина финансо-

¹ Стоимость активов домохозяйств и некоммерческих организаций, уменьшенная на величину их долговых обязательств.

вых активов отечественных домохозяйств оценивается в 70–80% от национального дохода страны [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, p. 16–18].

Оценка зарубежных активов россиян сопряжена со значительными статистическими трудностями, что обусловило большой разброс результатов. Минимальное значение их отношения к национальному доходу в 2015 г. определено в 55%, а максимальное – в 100%. При их оценке в 800 млрд долл., более половины принадлежит российским миллиардерам, которые входят в список Forbes [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, p. 21, 23].

Исследователи сравнили количественные результаты масштабных экономических реформ в России и в Китае – и они сильно отличаются. Например, относительные масштабы частного богатства населения в России и Китае в 1980-е годы были сопоставимы между собой. В каждой из этих стран его отношение к национальному доходу составляло немногим более 100%. Но если в 2015 г. в Китае оно достигло 500%, т.е. стало таким же, как в США, лишь немногим уступая Франции и Великобритании (550–600%), то в России это отношение остается существенно ниже, составив 350–400%. Рост частного богатства в России происходил практически полностью за счет сокращения той части национального богатства, которая находилась в общественной собственности. Это подтверждается лишь незначительным увеличением отношения национального богатства к национальному доходу – с 400% в 1990 г. до 450% в 2015 г. В Китае это отношение в 2015 г. составило 700% [Novokmet, Piketty, Zucman, 2017, p. 25, 26].

Такие различия объясняются, во-первых, тем, что норма сбережений в Китае составила 30–35%, что практически вдвое превышает ее значение в России (15–20%). Во-вторых, сбережения в Китае направлялись в основном на инвестиции внутри страны. В России почти половина их инвестировалась за рубежом далеко не всегда в экономически эффективные проекты.

Экономика в условиях пандемии: I полугодие 2020 г.

Начальный этап карантинных ограничений, введенных в стране в конце марта¹, практически сразу сказался на экономических и социальных показателях России, динамика которых в

¹ Все показатели характеризуют, если это не оговорено особо, экономическую ситуацию в 2020 г.

I квартале была положительной. Их ухудшение было связано как с проблемами в самой стране, так и с негативной динамикой мировой экономики.

Эксперты Всемирного банка в числе внешних факторов, оказавших наиболее значимое влияние на состояние экономики страны, называют снижение цен на сырую нефть (в январе – апреле на 65%¹) и деловой активности основных торговых партнеров России – стран еврозоны и Китая². В результате ВВП страны в апреле по сравнению с тем же периодом 2019 г. сократился на 12,1%, а в мае – на 10,9% [Russia: Recession and growth..., 2020, p. 7–8].

Экономический спад обусловил ухудшение ситуации в бюджетной и финансово-кредитной сферах. Дефицит федерального бюджета в январе – мае составил 273,3 млрд руб.³ по сравнению с профицитом 1283,3 руб. в аналогичном периоде 2019 г. В условиях длительно сохранявшихся низких цен на нефть рубль в мае подешевел на 11% по сравнению с началом года. Несмотря на то что банковская система к началу пандемии была достаточно устойчивой, тем не менее существуют риски роста доли срочной и просроченной задолженности в кредитном портфеле, составившей в мае около 10% [Russia: Recession and growth..., 2020, p. 7–8].

На этом фоне неизбежным был рост безработицы на российском рынке труда, общий уровень которой составил в апреле 5,8%, в мае 6,1% и в июне 6,2% по сравнению с соответственно 4,7%, 4,5% и 4,4% в 2019 г. Общая численность безработных в июне оказалась на 1,3 млн человек больше, чем годом ранее. Впервые за многие годы резко выросло число зарегистрированных безработных, что было связано с анонсированными мерами финансовой поддержки этой категории населения. В июне на учете в органах службы занятости состояли 2,8 млн человек по сравнению с 0,7 млн человек в марте [Russia: Recession and growth..., 2020, p. 8–9].

В сложившейся ситуации российское правительство приступило к реализации пакета мер по финансовой поддержке бизнеса и населения из средств федерального бюджета. Общий бюджет

¹ 23 долл./баррель в апреле. После снятия карантинных мер цены вернулись в июне на отметку в 40 долл./баррель.

² В I квартале ВВП этих стран сократился в годовом исчислении соответственно на 13,6 и 6,8%.

³ Здесь и ниже значения показателей выверены по [Социально-экономическое положение..., 2020] и по возможности дополнены данными за июнь.

этих мер составил 3875,7 млрд руб., или 4% ВВП. 2590 млрд руб. из них предназначались для поддержки крупных, средних и малых предприятий, индивидуальных предпринимателей и НКО; 665,9 млрд руб. – для помощи домохозяйствам, включая самозанятых; 246,8 млрд руб. – для финансирования здравоохранения и противоэпидемиологических мероприятий и 373 млрд руб. – для финансовой поддержки региональных бюджетов. Кроме того, были реализованы предложенные Центробанком России меры кредитной политики, в частности домохозяйствам, в которых имелись заболевшие COVID-19, была предоставлена возможность реструктурировать кредиты банков и микрофинансовых организаций. По отношению к ним не должны были применяться штрафные санкции и обращение взысканий на залоговое обеспечение кредитов. По масштабам мер по купированию негативного воздействия пандемии на экономику страны Россия уступает ведущим странам «большой двадцатки» (Италия, Германия, Япония, Великобритания, Франция и США), но находится на одном уровне с государствами с аналогичным ВВП на душу населения [Russia: Recession and growth..., 2020, p. 10].

В конечном счете предпринятые меры должны были предотвратить резкое падение доходов и рост уровня бедности населения России в условиях пандемии. Согласно прогнозам, при сокращении ВВП на 6% последний может вырасти к концу года с 12 до 14,8%. Поэтому в дополнение к описанным мерам были осуществлены прямые денежные выплаты различным категориям семей (в первую очередь семьям с детьми). Согласно оценкам, эти выплаты позволят практически стабилизировать уровень бедности в стране на уровне 12,2%. Однако к подобным надеждам следует относиться с осторожностью, поскольку влияние пандемии на экономику во многом будет зависеть от ее динамики, которая не поддается достоверному прогнозированию. В случае если удастся избежать второй волны пандемии, то в 2021 г. темпы прироста ВВП России могут составить 2,7%, а в 2022 г. – 3,1%. В пессимистичном сценарии ВВП страны может сократиться на 9,6%, а его рост в 2021 г. составит всего 0,1%.

Важно, что вне зависимости от ситуации с пандемией России в среднесрочной перспективе предстоит повышать результативность системы социальной защиты населения. В настоящее время на ее финансирование направляется 3,2% ВВП страны, в то время как в мире в среднем 1,6%. Однако только 0,4% ВВП распределяется на адресные программы, предполагающие проверку

нуждаемости заявителей¹. До пандемии бедные получали всего 10% общей суммы социальных трансфертов, которые позволяли покрывать в среднем около 1/3 дефицита их доходов [Russia: Recession and growth..., 2020, p. 11–12].

По мнению некоторых зарубежных экспертов, условия пандемии создали предпосылки для решения ряда острых социальных проблем России. Это видно на примере системы образования. Речь, прежде всего, идет о повышении доступности различных социально-экономических групп населения к технологиям дистанционного получения знаний, обеспечении онлайн взаимодействия преподавателей и обучаемых, а также доступе к интернет-ресурсам учебных материалов. Развитие IT-технологий позволяет также сократить межрегиональные различия в возможностях получения качественного образования, а за счет обмена лучшими практиками и наработками – повысить квалификацию преподавателей. Предполагается, что подобные технологии позволят улучшить международные взаимодействия в университетском звене образования и будут способствовать его интернационализации [Russia: Recession and growth..., 2020, p. 15].

Вызовы для России: как будет развиваться экономика?

Независимо от того, насколько продолжительной окажется пандемия COVID-19, России в предстоящем периоде предстоит отвечать на многочисленные экономические вызовы. В докладе, подготовленном сотрудником Службы исследований Европарламента М. Расселом, отмечается, что в экономике страны существуют *структурные барьеры*, препятствующие ее развитию. Эти барьеры связаны с условиями конкуренции, системой управления, человеческим капиталом, бедностью, инновациями, инвестициями и природными ресурсами [Russell, 2018].

Условия конкуренции. В структуре экономики России доминируют крупные компании, которые контролируются государством. В 2016 г. доля пяти частных компаний («Лукойл», «Ростех», «Магнит», «X5 Retail Group» и «Сургутнефтегаз») в объеме продаж 10 наиболее крупных компаний (25,7 трлн руб.) составила 35,5%. Остальные 64,5% приходятся на продажи компаний с государственным участием («Газпром», «Роснефть», Сбербанк, «РЖД» и «Банк ВТБ»). Процесс огосударствления экономики получил раз-

¹ В странах ЕС в среднем 0,5% – от 0,1% в Болгарии до 1,4% в Нидерландах.

витие во второй половине 2000-х годов. Если на долю государственного сектора экономики в 2006 г. приходилось 38% ВВП, то в 2012 г. – уже 70%. Сложности с исполнением государственного бюджета после 2014 г. заставили правительство страны принять решение о продаже части активов. В 2016 г. были проданы часть государственных активов в компаниях «АЛРОСА» и «Роснефть». Но дальнейшие планы приватизации после улучшения экономической ситуации были отложены (в частности, государство по-прежнему является единственным собственником судоходной компании «Совкомфлот»). Государственные компании в России менее эффективны по сравнению с частными: производительность труда в них на 30% ниже средней в стране. Одно из объяснений заключается в том, что в государственных компаниях решения принимаются под влиянием не только экономических, но и политических соображений (например, Сбербанк спонсировал зимнюю Олимпиаду в Сочи в размере 2,7 млрд долл.).

В свою очередь частные российские предприятия по эффективности проигрывают предприятиям, находящимся в иностранной собственности. Кроме того, и среди частных предприятий доминируют крупные, что обусловлено в том числе отсутствием нормальных условий конкуренции. Доля малых и средних предприятий в общей численности занятых оценивается в 25% (в странах ЕС – 67%), а в производстве ВВП – в 20% (соответственно 58%).

Снижению возможностей конкуренции способствуют высокие таможенные барьеры. Так, в 2015 г. на ввозимую в страну сельскохозяйственную продукцию средневзвешенный тариф составил 12,3%, а на промышленную – 4,8% по сравнению с соответственно 7,8% и 2,6% в странах ЕС. Кроме того, в стране действует программа импортозамещения, которая охватывает 19 секторов экономики. В ее рамках приоритет в поставках товаров и услуг для государственных нужд отдается российским поставщикам и поставщикам из стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В 2014 – апреле 2018 г. финансирование 350 проектов по импортозамещению составило 600 млрд руб. При этом доля импорта в поставках на российский рынок продовольствия в 2013–2017 гг. сократилась с 36 до 22%, а непродовольственных товаров – с 44 до 35%. Однако это сокращение было связано не только с импортозамещением, но и с девальвацией рубля, сделавшей импортную продукцию недоступной для значительного числа жителей России [Russell, 2018, p. 3–6].

Система управления. В 2010-е годы в России был достигнут определенный прогресс в дебиюкратизации регулирования бизнеса. Если по индексу DOI¹ в 2011 г. страна находилась на 120 месте среди 183 стран, то в 2017 г. – уже на 35 месте². В 2010 г. для открытия бизнеса в Москве требовалось осуществить девять действий, которые занимали 30 дней; в 2017 г. – четыре действия, занимавшие 11 дней. Получение разрешения на строительство сократилось с двух лет до 230 дней [Russell, 2018, p. 6].

Основной проблемой, связанной с ведением предпринимательской деятельности в России, остается высокий уровень коррупции. По индексу восприятия коррупции³ в 2019 г. страна оказалась на 137-м месте из 180, набрав только 28 баллов из 100 возможных. Это место Россия делит с такими странами, как Доминиканская Республика, Кения, Либерия, Ливан, Мавритания, Папуа – Новая Гвинея, Парагвай и Уганда⁴. Меры по борьбе с коррупцией не приносят существенных результатов. Согласно опросу, проведенному в марте 2017 г. «Левада-центром», только 15% россиян считают, что ситуация по сравнению с началом 2000-х годов улучшилась [Russell, 2018, p. 8].

Человеческий капитал. Проблемой России является старение ее населения и низкая рождаемость, неспособная обеспечить рост численности жителей⁵, для стимулирования которой в период вы-

¹ Индекс легкости ведения бизнеса (англ. Ease of Doing Business Index – DOI) составляется ежегодно Всемирным Банком с целью сравнения простоты предпринимательской деятельности между странами мира.

² В 2019 г. Россия заняла 28 место, опередив, в частности, такие страны, как Япония, Испания, Китай, Франция, Швейцария [Doing business..., 2020, p. 4].

³ Индекс восприятия коррупции (англ. Corruption Perceptions Index) составляется международной неправительственной организацией Transparency International с 1995 г. с годовой периодичностью с целью отражения оценки уровня восприятия коррупции аналитиками и предпринимателями в различных странах мира. Для оценки используется 100-балльная шкала.

⁴ Наименьшие уровни коррупции были зафиксированы в Новой Зеландии и Дании (87 баллов), Финляндии (86 баллов), Швейцарии, Сингапуре и Швеции (85 баллов), а наибольшие – в Сомали (9 баллов), Южном Судане (12 баллов) и Сирии (13 баллов) [Алехина, 2020].

⁵ Некоторые исследователи совершают содержательную ошибку, связывая сокращение населения России в 1990-е годы только с нежеланием деторождений в условиях экономической неопределенности. При этом не всегда учитывается связь падения рождаемости с долгосрочными демографическими волнами в стране, одна из которых была обусловлена Великой Отечественной войной. Потери населения обусловили низкую рождаемость в 1940-е годы, которая сменилась ее рос-

соких цен на нефть в 2007 г. был введен материнский капитал. Численность лиц в трудоспособном возрасте сократилась с 90 млн человек в 2005 г. до 83 млн человек в 2017 г.¹ В этих условиях важно обеспечить возможно более длительное пребывание работника на рынке труда, которое во многом зависит от состояния здоровья занятого. Однако бюджетные расходы на здравоохранение в России недостаточны: в 2016 г. они составили всего 3,8% ВВП страны, что составляет около половины этой доли в экономически развитых странах ОЭСР [Russell, 2018].

Ситуация усугубляется оттоком населения в зарубежные страны. В 2016 г. выезд граждан из России увеличился в три раза, достигнув 250 тыс. человек. При этом образовательный ценз и профессиональные навыки уехавших выше среднероссийских показателей. Для многих российских работодателей в высокотехнологичных отраслях подбор работников нужного уровня квалификации превратился в серьезную проблему [Russell, 2018].

Привлечение мигрантов в основном из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии частично снижает негативные последствия низкой рождаемости, но не способно покрыть дефицит квалифицированной рабочей силы. Негативное отношение значительного числа россиян к трудовым мигрантам из Средней Азии (38% согласно опросу «Левада-центра» в феврале 2017 г.) затрудняет социально-экономическую интеграцию выходцев из этих стран.

В России существует заметный дисбаланс в структуре спроса и предложений на рынке труда. 53% рабочей силы в возрасте от 25 до 34 лет в стране в 2013 г. имели высшее образование по сравнению с 26% в Италии, 31 в Германии и 48% в США в 2016 г. Только в Республике Корея доля имевших высшее образование существенно выше, составляя 70%. Хотя многие из имеющих высокий образовательный уровень в России не подготовлены к реальной трудовой деятельности. В 2017 г. недостаточную подготовлен-

том в 1950-х годах. В 1960 г. в России родились 2782,3 тыс. человек, в то время как в 1970 г., когда в детородный возраст вступили рожденные в 1940-е годы – всего 1903,7 тыс. человек. В 1980 г., когда в детородный возраст вступили рожденные в 1950-е годы, рождаемость составила 2202,8 тыс. человек. Далее динамика была следующей: 1990 г. – 1988,9 тыс. человек, 2000 г. – 1266,8 тыс. человек, 2010 г. – 1788,9 тыс. человек, 2018 г. – 1604,3 тыс. человек [Демографический ежегодник России..., 2019].

¹ Ухудшение соотношения между работниками и пенсионерами стало одной из причин повышения пенсионного возраста в России в 2019 г.

ность рабочей силы работодатели назвали в числе шести основных причин, мешающих ведению бизнеса [Russell, 2018, p. 8–11].

Бедность. Сокращению численности бедных и уровня бедности в России в 2000-е годы способствовал быстрый экономический рост, обусловленный повышением цен на нефть. В результате, если в 2000 г. 30% жителей страны имели доходы ниже прожиточного минимума, то к 2014 г. их доля снизилась до менее 11%. Однако последующая экономическая рецессия вновь увеличила долю бедных¹. Система социальной поддержки малообеспеченных во многих случаях не выполняет своей функции, поскольку только небольшая ее часть оказывается на основе адресных принципов по результатам проверки доходов потенциальных реципиентов социальной помощи [Russell, 2018, p. 11–12].

Инновации. Одной из проблем России является недостаточность инвестиций в НИОКР, составивших в 2015 г. всего 1,1% ВВП по сравнению с 2% в среднем в странах ЕС. В 2016 г. в стране насчитывалось более 370 тыс. исследователей. Но по количеству публикаций российские ученые уступают своим коллегам, например, из Канады или Нидерландов, где численность исследователей существенно меньше. По данным ОЭСР, в 2016 г. индекс цитируемости работ российских ученых был самым низким среди обследованных 40 стран. Основные причины такого положения дел связаны с низким качеством менеджмента в научных организациях, чрезмерным бюрократическим контролем, отсутствием конкуренции между исследователями и алгоритмов, позволяющих перераспределить бюджетное финансирование научных исследований в наиболее перспективные проекты. Участие частного сектора в НИОКР незначительно: в 2016 г. его доля в совокупных расходах на НИОКР составила 28% по сравнению с 55% в странах ЕС. Результаты исследований, финансируемых из средств государственного бюджета, не предполагают обязательной коммерциализации. Высокая доля бюджетного финансирования, возможно, объясняет незначительное число выдаваемых патентов (в 2016 г. оно составило 32 тыс.). В стране слабо развита система защиты интеллектуальной собственности и нередки случаи выпуска контрафактной продукции [Russell, 2018].

Российские компании уделяют недостаточное внимание внедрению инноваций – за исключением высокотехнологичных, со-

¹ Согласно обследованиям, доля россиян, считающих себя бедными, повысилась с 15% в 2014 г. до 20–23% в 2017 г.

средоточенных в оборонном, космическом и IT секторах. В 2016 г. только 8,4% из них занимались инновационной деятельностью в сфере технологий, организации производства и маркетинге по сравнению с 49% в странах ЕС. Ведущие российские экспортеры углеводородного сырья – «Газпром» и «Роснефть» – в 2016 г. направили на финансирование НИОКР всего соответственно 0,095 и 0,02% своего оборота, в то время как «Shell» – 0,43%, а «Exxon-Mobil» – 0,47%. Доступ к зарубежным технологиям российским компаниям ограничен принятыми экономическими санкциями. Фактором, демотивирующим российских предпринимателей заниматься инновациями, является слабая конкуренция, в результате чего даже технологически отсталые компании в энергетике не испытывают экономических трудностей. Предпринятые меры по стимулированию инноваций (создание инновационного центра «Сколково», особых экономических зон, предоставление специальных налоговых режимов компаниям, занимающимся инновациями) пока не приносят ожидаемых результатов [Russell, 2018, p. 12–15].

Инвестиции. Инвестиционная активность бизнеса в России сопоставима со странами ЕС: в 2017 г. инвестиции в основные фонды составили соответственно 21% и 20% ВВП, но существенно ниже, чем в странах с быстрым экономическим развитием – Китае (43%) и Республике Корея (30%). Увеличение инвестиций в настоящее время сдерживается как низкой конкуренцией на российском рынке, так и экономическими санкциями в отношении России, которые повысили риски для иностранных инвесторов. При недостатке собственных средств предпринимателей их доступ к кредитным ресурсам затруднен. Значительная часть сложностей в инвестиционной деятельности связана с неудовлетворительным состоянием банковской системы страны. Ее улучшение является одним из приоритетов деятельности Центрального Банка России. Начиная с 2014 г., лицензии были отозваны у более чем 1/3 российских банков [Russell, 2018, p. 15–17].

Природные ресурсы. В 2016 г. вклад добычи полезных ископаемых в ВВП России составил 11,5%, а в экспорте на их долю пришлось 3/4. В период сохранения высоких цен на нефть в 2000–2008 гг. среднегодовые темпы роста ВВП страны составили 7%. Доходы от экспорта нефти и газа позволили сформировать фонд национального благосостояния, размер средств в котором к середине 2020 г. достиг 173,5 млрд долл.

Высокая зависимость экономики от экспорта нефти усиливает риски при падении цен на нее. Расчеты показывают, что при

снижении цен на 10 долл. за баррель ВВП России уменьшается на 0,8% [Russell, 2018].

Имеющиеся прогнозы предполагают постепенное истощение эксплуатируемых в настоящее время месторождений и освоение новых, включая находящиеся на шельфе в Арктике. Трудности их освоения связаны с сохраняющейся высокой зависимостью страны от импорта оборудования для нефтяной и газовой промышленности (в 2017 г. его доля в общих поставках для отрасли составила 52%, сократившись по сравнению с 2014 г. на 8 п. п.).

Доля ископаемого топлива в структуре экспорта России снизилась с 71% в 2013 г. до 63% в 2017 г., однако это снижение было обусловлено падением цен на нефть. В целом за указанный период российский экспорт сократился на 32%, в том числе поставки нефти и газа – на 39%, машин и тракторов – на 29%. Резко (на 58%) увеличились экспорт зерновых культур, что объяснялось благоприятными погодными условиями, а также рыбы (на 24%). По-прежнему экспорт России носит сырьевой характер.

В качестве положительного момента можно отметить восстановленное в 2018 г. бюджетное правило, в соответствии с которым нефтегазовые доходы, полученные при превышении цены на нефть 40 долл. за баррель, направляются в Фонд национального благосостояния, что уменьшает зависимость государственного бюджета от нефтегазовых доходов¹ [Russell, 2018, p. 17–19].

Наличие перечисленных барьеров признается органами государственного управления России. В 2018 г. были квантифицированы² экономические цели развития страны на период до 2024 г. В их составе: вхождение экономики страны в число 5 крупнейших экономик мира (в 2017 г. 12-е место), увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50% их общего числа (соответственно 8%), ежегодный рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5% в год (0,8%) и др. [Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204, 2018]. Инструментом реализации этих целей стали национальные проекты (программы) по 13 направлениям.

¹ Впервые бюджетное правило было введено в 2004 г., но его действие было приостановлено в 2015 г. в связи с необходимостью гибкого реагирования на падение цен на нефть, ослабление рубля, инфляцию и введенные против России экономические санкции.

² То есть количественно определены.

Возможность достижения этих целей оценивается экспертами по-разному. С одной стороны, к началу 2018 г. в стране была создана финансовая подушка безопасности, федеральный бюджет сводился с профицитом. По расчетам Министерства экономического развития РФ, повышение пенсионного возраста позволяет сохранить на рынке труда 1,8 млн человек, что может обеспечить рост экономики страны на 1,3% в период до 2024 г. С другой стороны, ни одна из целей, анонсированных в 2012 г., к 2017 г. не была достигнута. Так, по индексу легкости ведения бизнеса достижение запланированного показателя составило около 80%, а по другим показателям (доля высокотехнологичных компаний, производительность труда, отношение инвестиций к ВВП) – менее 20%. Количество же высокопроизводительных рабочих мест вообще сократилось [Russell, 2018, p. 20, 22].

Серьезную корректировку в возможности достижения поставленных целей внесла пандемия COVID-19, в условиях которой их сроки были продлены до 2030 г. Кроме того, сами национальные цели были четко структурированы (сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация) и установлены целевые показатели, характеризующие достижение национальных целей к 2030 г. (всего 25 показателей, в том числе 21 количественный) [Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474, 2020].

Заключение

Изучение экономики России вызывает интерес у разных зарубежных экспертов. Как правило, опубликованные материалы свидетельствуют о глубоком знании их авторов текущих социально-экономических проблем страны. В большинстве случаев они сходятся в оценках с российскими учеными. Вместе с тем в работах зарубежных исследователей уделяется большее внимание критическому разбору итогов решения экономических задач, стоявших перед страной в прошлом, и преодоления существующих рисков в настоящем. В любом случае знакомство с такими публикациями полезно для отечественных специалистов, заинтересованных в объективности представлений о развитии экономики России и ее образа в глазах внешних наблюдателей.

Список литературы

1. Алехина М. Россия и Кения поделили 137-е место в индексе восприятия коррупции // РБК. – 2020. – 23.01. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/23/01/2020/5e2912d69a794750adc67abc> (дата обращения: 20.08.2020).
2. Демографический ежегодник России. 2019: Стат. сб. / Росстат. – Москва, 2019. – 252 с.
3. Социально-экономическое положение России. Январь – июнь 2020 года / Росстат. – Москва, 2020. – 337 с.
4. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России. Официальный сайт. – 2018. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 24.08.2020).
5. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Гарант. ру. Информационно-правовой портал. – 2020. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (дата обращения: 24.08.2020).
6. Doing business. Comparing business regulation in 190 economies / World Bank. – 2020. – 149 p. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf> (дата обращения: 19.08.2020).
7. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 / NBER. – 2017. – 79 p. (NBER working paper series; working paper N 237120). – Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w23712> (дата обращения: 24.07.2020).
8. Russell M. Seven economic challenges for Russia. Breaking out of stagnation? / European parliamentary research service. – Brussels, 2018. – 32 p. – Mode of access: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/625138/EPRS_IDA\(2018\)625138_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2018/625138/EPRS_IDA(2018)625138_EN.pdf) (дата обращения: 24.07.2020).
9. Russia: Recession and growth under the shadow of a pandemic. Special focus: Education. Russia economic report / World Bank. – 2020. – 91 p.